ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Д. Горин

Дух свободы в несвободном обществе: опыт научного сообщества в дореволюционной России

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gorin_Tetr_58.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы политических исследований
http://msps.su

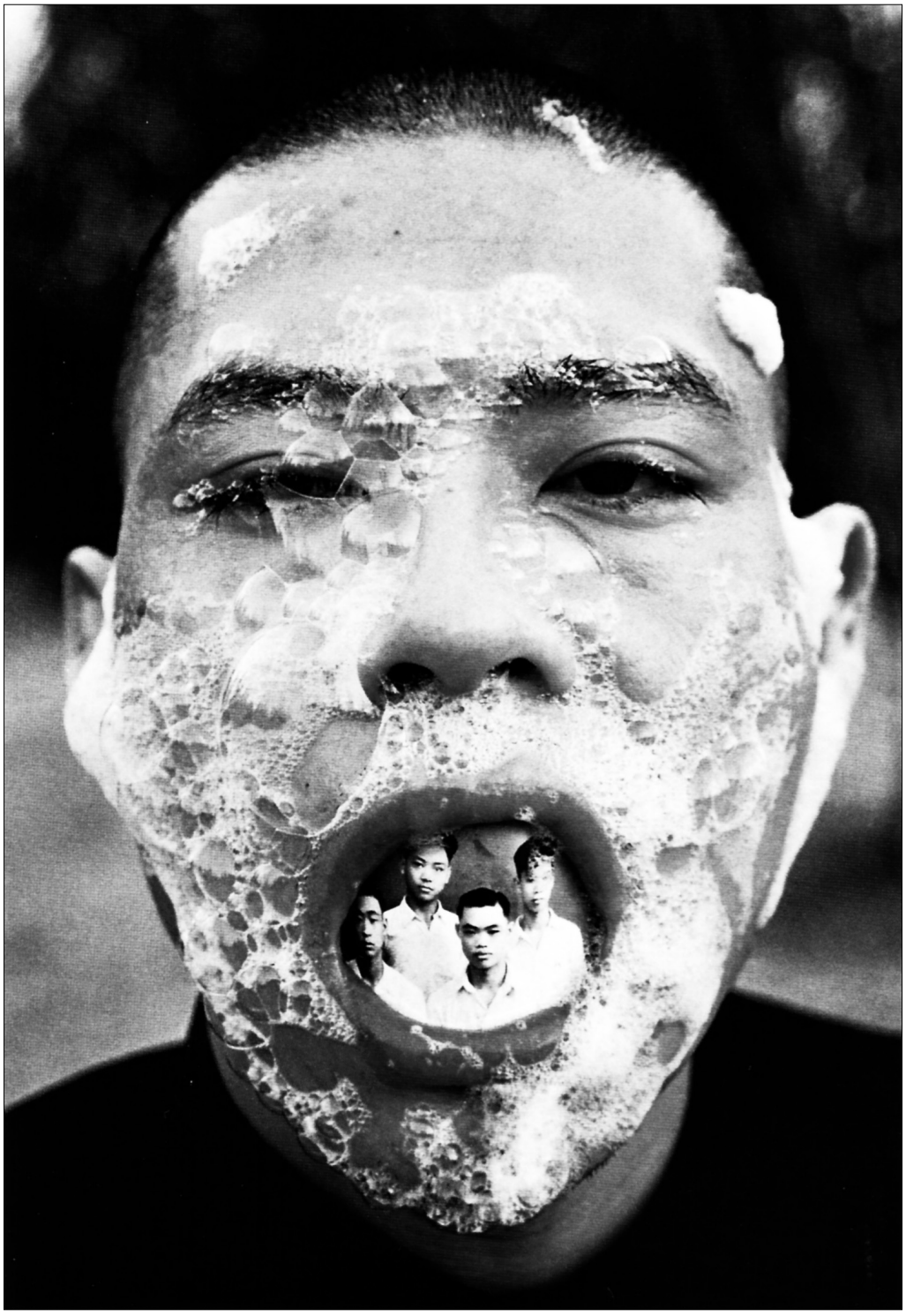
URL:http://www.civisbook.ru

Дух свободы в несвободном обществе: опыт научного сообщества в дореволюционной России

Дмитрий Горин, доктор философских наук, профессор кафедры теории коммуникации СПбГУ

Завершение 2011 года в России было примечательно событиями, которые нередко оцениваются как рождение гражданского общества. Успешные, образованные и энергичные люди, сторонившиеся еще несколько лет назад не только политической жизни, но и любого проявления гражданской активности, вышли на площади Москвы и многих российских городов с требованием честных выборов. Кажется, гражданское общество вдруг осознало свое единство и обрело свой голос. Но подобные процессы не происходят одномоментно. Гражданские чувства невозможно заимствовать, их нельзя имитировать за деньги или проявлять по приказу «сверху». Единственная возможность обретения чувства гражданственности — это многолетнее культивирование его в своей внутренней культуре. Ретроспектива зарождения гражданского самосознания в культуре России сложна, прерывиста, но многообразна и интересна. Она наполнена не только разочарованиями, но и блистательными примерами, способными и сегодня вселить уверенность в победе свободы и ответственности над унижением и апатией.

В этой ретроспективе XIX век занимает особое место. Именно тогда в российском обществе оформились нравственно-психологические и общественно-политические предпосылки гражданской активности. Через сто лет после Петра I заложенная его преобразованиями имперская модель абсолютистской монархии обретала все более непривлекательные черты. Эта эволюция не могла не породить в обществе стремлений к освоению ценностей гражданских прав и свобод. Вся общественная жизнь в тот период стала результатом гражданского раскрепощения. Литературное творчество и музыка, публицистика и общественно-политическая мысль, наука и богословие преодолевали не только цензурные ограничения того времени, но и стойкие традиции и установки эпохи. В этих обстоятельствах одним из



Чжан Хуан. Пена. 1998

наиболее ярких эпизодов становления гражданского общества является формирование сообщества университетских ученых.

* * *

Открытие пространства личной свободы не происходит спонтанно, оно требует определенных усилий. Усилия эти могут выражаться в разных формах, в том числе в форме научной деятельности. По крайней мере в том смысле, в каком она понималась в культуре модерна. Развитие научной рациональности Макс Вебер определил как «расколдовывание» мира. Мир, представлявшийся в традиционных культурах как целостный и оберегаемый сокровенной тайной, под влиянием науки дифференцируется и рационализируется. Реальность подвергается аналитической разделенности, и каждое явление обретает логическую ясность и конкретные границы. Теории общественного договора и разделения властей лишают власть сакральности и ограничивают пространство ее влияния. По мере развития социальных и гуманитарных наук закрепляется представление о том, что религию можно отделить от политики, политику от экономики, а экономику от культуры. В этой разделенности на смену священной тайне приходит рациональная модель. И «расколдованную» реальность теперь можно не только моделировать, но и проектировать. Весь этот процесс невозможен без освобождения личности. Классическая наука основывается на идее свободы познающего субъекта. Она требует самостоятельности мышления. Под влиянием научной рациональности идея свободы неизбежно конкретизируется и из сферы познания проникает во все сферы общественной жизни.

Однако не следует забывать, что научная рациональность в ее классическом виде вызревала еще в средневековой Европе и напрямую была связана с эволюцией западного образа мысли, прошедшего через Ренессанс, Реформацию и Просвещение. В дореволюционной России идеалы Просвещения не могли быть укоренены в опыте, аналогичном европейскому. Реальность сохраняла здесь свою «заколдованную» самодержавную целостность. И хотя к XIX веку эта целостность дает явную трещину, полицейский режим Николая I из последних сил пытался поддержать веру в невозможность отделения самодержавия от православия, православия от народности, а народность — опять же от самодержавия. Опыт открытия свободы университетскими интеллектуалами в таких условиях представляется любопытным не только в плане особенностей России, но как пример поддержания целым сообществом общих ценностей, весьма специфичных на фоне доминирующей картины мира.

Образ профессора в России обретает узнаваемые черты во второй половине XIX века. К этому времени выходец из кружка профессора Грановского Александр Герцен создает целую галерею портретов российских ученых в «Былом и думах». Радикальный писатель Николай Чернышевский рисует с профессора Кавелина образ Рязанцева в «Прологе». Один из самых известных русских писателей Федор Достоевский воспроизводит черты профессора Грановского в образе Верховенского-старшего в «Бесах». На рубеже столетий и в первые десятилетия XX века образ профессора привлекает внимание многих известных писателей — от Антона Чехова до Леонида Андреева и Андрея Белого. Созданные Михаилом Булгаковым образы профессора Преображенского в «Собачьем сердце» и

профессора Персикова в «Роковых яйцах» сегодня стали хрестоматийными. А революционный поэт Владимир Маяковский даже вступает в прямую полемику с неким воображаемым профессором, в котором угадываются черты лидера российских либералов Павла Милюкова:

Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.

Откуда такое внимание к образу ученого в традиционной стране, не знавшей еще научно-технического прогресса? Если учесть, что в России профессура была настолько малочисленной группой, что в переписи 1869 года их объединили с музыкантами, библиотекарями и лаборантами*, а подавляющая часть населения не умела читать, то вряд ли причиной такого интереса можно считать лишь профессиональную деятельность университетских ученых.

Хотя первые университеты открываются в России в XVIII веке, только к концу первой четверти XIX века правительство решается на ряд мер по созданию системы подготовки российской профессуры. Важной частью этой системы стали поездки будущих профессоров в Европу. Это был поворотный момент в истории профессорского сообщества России. Именно с этого времени профессура оформляется в профессиональную группу и начинает осознавать свою особую идентичность, связывавшую ее с ценностями Просвещения. Вскоре в Московском университете появляются молодые профессора, вернувшиеся из Европы. На историческом факультете это Т.Н. Грановский, А.И. Меньшиков, О.П. Бодянский, В.С. Печерин, Д.Л. Крюков, А.И. Чивилев; на юридическом — С.И. Баршев, В.Н. Лешков, П.Г. Редкин; на медицинском — Н.Б. Анке, А.В. Армфельд, Ф.И. Иноземцев, А.М. Филомафитский; на математическом — И.Т. Спасский, А.Н. Драшусов**.

Их появление значительно изменило обстановку. И последствия этих изменений имели значение далеко не только для развития университетов и наук. Служение науке прочно связывается теперь не только с ценностью знания, но прежде всего с идеалами гражданственности, нравственными нормами и поведенческими установками. «Наши профессора привезли с собою... горячую веру в науку и людей... они являлись в аудиторию не цеховыми учеными, а миссионерами человеческой религии», — писал А.И. Герцен***. В чтениях Т.Н. Грановского наука становилась, по словам В.О. Ключевского, «учительницей жизни», а знание ценилось «как общественная сила»****.

Если в XVIII веке российских интеллектуалов привлекал прежде всего Париж, то в XIX веке, после 1830 года, Франция воспринималась как страна хронических революций и хаоса. Правительство России поездки туда не поощряло, а молодых профессоров направляли в Германию, которая вы-глядела вполне безобидно. Однако, как отмечал Исайя Берлин, «тайное франкофильство в Германии этой поры было настолько

** См.: Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. — М., 1971. — С. 174–175.*

*** См.: Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. — М., 1989. — С. 220.*

**** Герцен А.И. Былое и думы. — Минск, 1971. — С. 429.*

***** Ключевский В.О. Литературные портреты. — М., 1991. — С. 200.*

сильным, а просвещенные немцы отдавались идеям на сей раз французского Просвещения настолько горячей и самозабвеннее самих французов, что послушно отправлявшиеся в Германию юные русские Анахарсисы заражались опасными идеями куда серьезней, чем в старом Париже беззаботных лет Луи-Филиппа»*.

Развитие университетского образования в России хронологически почти совпадает с возрождением университетов в Европе. Наполеоновские войны привели в упадок многие мелкие немецкие города, исчезли и некоторые старые университеты. На этом удручающем фоне все более и более заметную роль начинает играть Берлинский университет, основанный в 1810 году Прусским государством. В стенах университета преподавали Гегель, Шлейермахер, Нибур, Савиньи, Эйхгорн. Один из известных представителей немецкой классической философии Фихте в 1810 году становится первым избранным ректором университета. По аналогии с Берлинским университетом в 1818 году учреждается Боннский университет, призванный стать интеллектуальным центром для приобретенных Пруссией западных провинций. А чуть позже центром интеллектуальной свободы становится Йенский университет.

Первые десятилетия XIX века в Германии были временем формирования принципиально новой модели национального университета. Принципы этой модели были сформулированы Вильгельмом фон Гумбольдтом, который настаивал на университетской автономии. Внутри этой автономии, по его мысли, должна быть создана атмосфера научной состязательности. Знаменитые лекции Фихте о назначении ученого отражают характерную идею о том, что наука помимо решения прагматических задач призвана открывать человеку свет истины, задавая новые смыслы человеческой жизни и общественного развития. Такое определение миссии науки сохраняется в немецком интеллектуальном сообществе и в XX веке. В этой тональности выдержан известный доклад Макса Вебера «Наука как призвание и профессия», прочитанный им зимой 1918 года в Мюнхенском университете. Очевидно, что распространяемые сегодня представления об узкой профессионализации и коммерциализации образования и науки вступают в явное противоречие с общемировоззренческими, нравственно-социальными принципами.

Классическая наука основывается на идее свободы познающего субъекта. Она требует самостоятельности мышления. Под влиянием научной рациональности идея свободы неизбежно конкретизируется и из сферы познания проникает во все сферы общественной жизни

Неудивительно, что в XIX веке политическая жизнь получала от немецких университетов мощные импульсы, а избранный на волне революции 1848 года первый германский парламент вошел в историю как «профессорский парламент» (из 586 депута-

** Берлин И. Рождение русской интеллигенции // Вопросы литературы. 1993, выпуск IV. С. 196–197.*

тов было 94 профессора, 233 депутата получили университетское образование).

Впрочем, несмотря на особенности немецких университетов, роль профессорского сообщества в XIX столетии становится заметной не только в Германии. Французская революция сметает старое университетское образование, оказавшееся в зависимости от королевской власти и Ордена иезуитов. Университеты восстанавливаются лишь в 1808 году, когда создается государственная корпорация Французского университета и страна делится на сорок учебных округов. Централизация и огосударствление университетского образования не помешали новому поколению профессоров осознать себя в качестве самостоятельной общественно-политической силы. Неслучайно Третью республику называют «республикой профессоров». Любопытно, что подобная ситуация характерна и для других стран. Например, Испанскую республику, установленную на несколько лет в 1931 году, называли «республикой интеллектуалов» и связывали ее происхождение с наследием Вольного института просвещения.

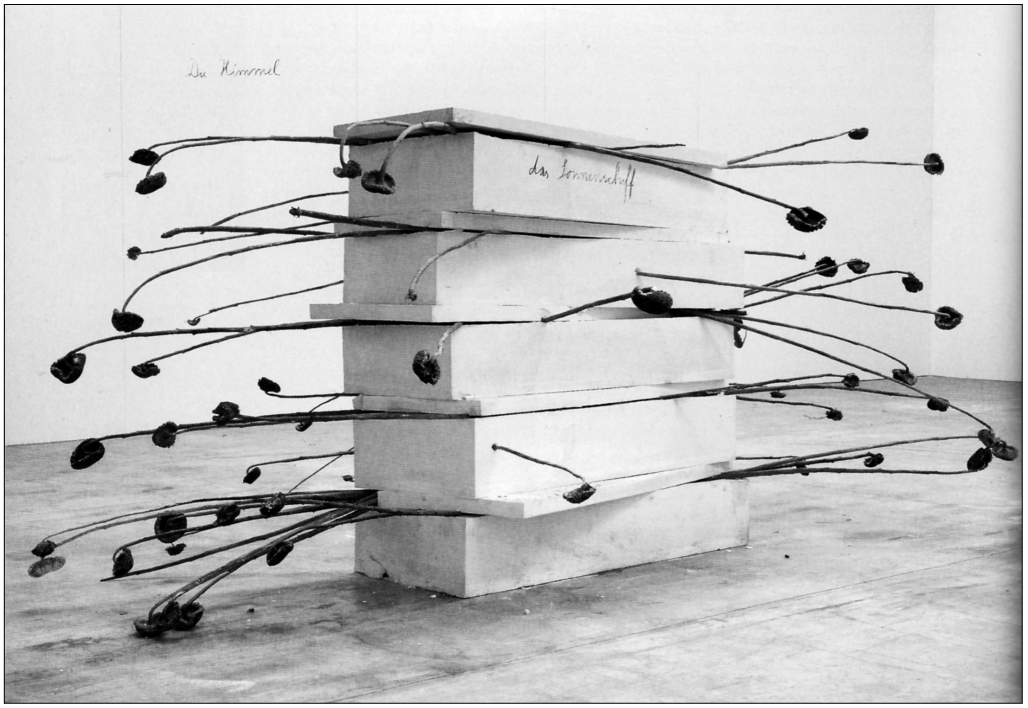
Россия на этом фоне не выглядит исключением: сыгравшая принципиальную роль в событиях 1917 года партия кадетов была в значительной степени партией университетской профессуры, отстаивавшей, подобно своим европейским коллегам, либеральные идеалы и ценности только еще формирующегося в России «среднего класса».

Однако не следует забывать, что в отличие от российской ситуации новые европейские университеты создавались не на пустом месте. За ними стояла многовековая история, восходящая к XI–XII векам. Особенности Гумбольдтского университета вряд ли могут быть объяснены вне многовековой эволюции европейской университетской традиции. Несмотря на некоторое своеобразие, которое имели университеты, возникавшие в различных частях Европы, общим у них было происхождение: они рождались в рациональной городской культуре, в условиях автономии частной жизни. В Европе города, по словам Макса Вебера, становились «местом перехода из несвободного состояния в свободное». История российских городов, напротив, в значительной степени была отмечена влиянием властных отношений: столичные города процветали, а провинциальные приходили в упадок. И хотя европейская история также знает расцвет одних городов и упадок других, город там изначально представлял собой самодостаточное явление, созданное усилиями саморегулирующихся сообществ. Именно в городе концентрировались силы, развивающие европейскую культуру.

В европейском средневековом городе всякое сообщество (купеческая гильдия, торгово-промышленный цех и т.п.) называлось universitas (например, universitas civium — городская корпорация, коммуна). Отсюда и понятие universitas stadii*. Возникшие в условиях средневекового корпоративного строя университеты сами представляли собой саморегулирующиеся корпорации. Они фактически имели форму средневековых цехов с подразделением на «мастеров» (magistri — на низших факультетах и doctores — на высших),

---

** См.: Готлиб Л. Университет // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 68. — СПб., 1902. — С. 751, 758.*



Ансельм Кифер. Солнечный корабль. 2010

«подмастерьев» (baccalaurei) и «учеников» (scholares), с обычным для того общества цеховым дроблением труда, цеховыми испытаниями и цеховыми свидетельствами. Университетские корпорации обладали административной автономией, собственной юрисдикцией, имели свои уставы, которые регламентировали всю жизнь университета, вплоть до одежды и традиционных оборотов речи. Ученая степень была своеобразной лицензией на право преподавания в любом месте Европы, что давало университетам независимость от местного прихода, монастыря или города.

Неудивительно, что уже первые университеты стали очагами свободомыслия и еретических идей, связанных с городской культурой и оппозицией горожан феодальному порядку и официальной католической церкви. И хотя расцвет первых европейских университетов сменяется упадком (после Ренессанса интеллектуальная жизнь и культурное развитие обретают скорее внеуниверситетские формы), в XIX веке профессорское сообщество вновь оказывается в центре гражданской и политической жизни.

В отличие от Европы, где университеты были естественно возникшим элементом городской культуры и гражданского общества, в крепостнической и сословной России профессорское сообщество выглядело, мягко говоря, не вполне органично. Сама наука явно не вмещалась в отводимые ей правительством рамки. Самодержавная власть, поощряя развитие университетов и поездки молодых интеллектуалов за границу, собственными руками создавала себе явную проблему. Вряд ли противоречия между основами самодержавно-крепостнической системы и идеалами Просвещения были неоче-

видны для власти. И вряд ли власть была абсолютно уверена, что эти идеалы можно будет замкнуть в стенах малочисленных университетов. Но, несмотря на то что самодержавие часто предпринимало попытки ограничить университетскую автономию, оно не отказывалась от самой идеи развития университетов.

Этот парадокс требует объяснения, тем более что подобных парадоксов в развитии императорской России было немало. Дело, видимо, в том, что помимо вызревания внутренних противоречий у российского самодержавия была другая проблема, скорее даже более серьезная. Власть была весьма обеспокоена тем положением, которое Россия занимает в ряду европейских держав: отсутствие в России аналогов важных институтов европейского общества могло восприниматься как признак неполноценности. Власть оказывалась в сложном положении: необходимо было внедрять в российскую практику отсутствующие институты таким образом, чтобы они не подрывали основ существующего строя. Однако вряд ли это было возможно. Поэтому приходилось время от времени либо душить новые веяния, либо придумывать весьма смелые проекты реформ. Впрочем, был еще один способ: делать то и другое одновременно, одной рукой проводить реформы, а другой — выдвигать тех, кто будет этим реформам препятствовать. Об этом писал в своем дневнике В.О. Ключевский. Он заметил, что в течение всего XIX века правительство «вело чисто провокаторскую деятельность: оно давало обществу ровно столько свободы, сколько было нужно, чтобы вызвать в нем первые ее проявления, и потом накрывало и карало неосторожных простаков»*. Так было и с развитием университетов.

Любопытно, что именно в тот период, когда в российских университетах появляется новое поколение вернувшихся из Европы профессоров, принципиально меняется дискурс власти по вопросу о самоопределении России в отношении к Европе. Со времен Петра I господствовала убежденность в необходимости развития России по европейским образцам. Россия представлялась как органичная часть христианского мира, а ценности христианского универсализма воспринимались как основания общей идентичности России и Европы вплоть до реформ Александра I. Российские университеты обязаны своим появлением именно этой тенденции. Однако этот вестернизаторский дискурс содержал в себе как минимум две ловушки для российского режима. Первая состояла в том, что сама логика догоняющего развития заставляла определять российскую действительность в терминах развития и отсталости. Самодержавие, стремившееся к цивилизаторской миссии в отношении имперских окраин, не могло смириться с тем, что оно само должно кого-то «догонять». И вторая ловушка: ценности единства христианского мира предполагают и единство исторических судеб России и Европы. А именно этого единства в условиях череды европейских революций самодержавие больше не желало. По мере осознания этих ловушек российская действительность начинает объясняться не отсталостью, а уникальностью. Эта логика заставляет отказаться и от идеи единства христианского мира. Христианство понимается теперь через призму изобретенной графом Уваровым формулы «православие, самодер-

---

** Ключевский В.О. Литературные портреты. — М., 1991. — С. 438–440.*

жавие, народность», призванной обосновать особость русской веры и русского пути.

Но вернемся к нашему основному сюжету — формированию университетского сообщества. Распространение знаний и открытие университетов в России изначально было именно государственным, а не общественным делом. По словам В.И. Вернадского, «для России чрезвычайно характерно, что вся научная творческая работа в течение всего XVIII и почти вся в XIX в. была связана прямо или косвенно с государственной организацией: она или вызывалась сознательно государственными потребностями, или находила себе место неожиданно для правительства и нередко вопреки его желанию в создаваемых им или поддерживаемых им для других целей предприятиях, организациях, профессиях»*. Привнесенные институты, внедряемые «сверху», редко могут рассчитывать на полноценную поддержку «снизу». По крайней мере, в начальный период своего становления. Университетское сообщество не имело возможности опереться на дремлющие еще общественные силы. К середине XIX века в пяти университетах было всего около трехсот преподавателей. По словам ректора Санкт-Петербургского университета А.Н. Бекетова, «университетские города разбросаны в России как оазисы в пустыне, а в самих городах этих университеты являются какими-то монастырями, в стенах которых каждая наука имеет по одному, много по два служителя. На них-то сверх официальных обязанностей должна возлагаться вся надежда касательно поддержания и возвышения интересов той науки, которой они преданы; при этом должно заметить, что такая неофициальная деятельность нередко должна распространяться от одного лица по всей окрестной стране, равной площадью иному второстепенному государству Западной Европы»**.

Но именно этот тонкий слой интеллектуалов уже во второй половине XIX века не только оказывается в самом центре общественной жизни, но и сам становится существенным фактором пробуждения российского общества. В своем пророческом романе «Бесы» Федор Достоевский обвиняет в лице Николая Степановича Верховенского российскую профессуру в том, что из стен университетов выходят те самые радикально настроенные революционеры, которые вскоре подорвут основания российского порядка. Обоснованность этих обвинений требует специальных комментариев, но очевидно, что именно непоследовательность и противоречивость политики самодержавия, которое создавало университеты, наделяло их автономией и одновременно пыталось сохранить свой самодостаточный характер, своими руками подрывало свои же основания. В условиях, когда власть имела всеобъемлющий и самодостаточный характер, и ни одна социальная группа не могла играть самостоятельную роль, самодержавие само невольно создавало себе оппонента: вместе с новыми знаниями и культурой из Европы были привнесены представления о политических и гражданских свободах, конституционном правлении и демократии. Этот урок не следует забывать и сегодня: вынужденная модернизация каких-то отдельных сфер жизни невозможна без полноценной модернизации политической системы и всего общества.

** Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. — М., 1988. — С. 66.*

*** Цит. по: Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостнической к России капиталистической. — М., 1985. — С. 54.*